

П. С. Тентюк

МОТИВ ОБМАННОЙ СВАДЬБЫ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРАБСКИХ МАКАМАХ

Библиотека Российской академии наук,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Биржевая линия, 1

Сборники арабских макама, особенно те, что были составлены в период позднего средневековья, в большинстве своем мало изучены отечественной и зарубежной арабистикой. Введение в научный оборот неисследованных ранее текстов макама позволяет рассматривать эволюцию макаманного жанра как типологическое явление с более объективных позиций. В результате подобных изысканий было выяснено, что несколько произведений, по времени написания значительно отдаленных друг от друга, имеют в своей сюжетной основе схожий мотив. Как показано в статье, существует разная трактовка этого мотива в произведениях жанра макама, что, вероятно, отражает соответствующие изменения в арабской назидательной литературе и литературном каноне, с которыми макама неразрывно связана.

В статье проводится сравнительный анализ трех произведений из жанра макама и теневого театра, принадлежащих перу ал-Ҳарйрӣ (XI в.), ал-Мауҗилӣ (XIII в.) и ал-‘Аббаса (XVI в.), но при этом имеющих в своей сюжетной основе вариацию редкого для изысканной художественной прозы мотива — обманную свадьбу. Особенностью анализа является не предпринимавшееся прежде в отечественной арабистике проведение параллелей между позднесредневековой макамой и теньвым театром. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: Арабская литература, макама, ал-Ҳарйрӣ, ал-Мауҗилӣ, ал-‘Аббас.

FRAUDULENT MARRIAGE IN THE MEDIEVAL ARABIC MAQĀMA

P. S. Tentyuk

Library of the Russian Academy of Sciences, 1, Birzhevaya liniya, St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Collections of the Arabic Maqāmāt, especially those that were composed in the Late Middle Ages, have been little explored in the national and foreign Arabic studies. Introduction for the scientific use of previously unstudied maqamat texts allows us to consider the evolution of the Maqāma genre as a typological phenomenon from more objective point of view. As a result of such research it was found that several works, considerably distant from each other by dates of their creation, are based on a similar literary motif. As it shown in the article, there are different interpretations of this motif in Maqāma genre, which could be considered as reflections of respective changes in Arabic didactic literature and literary canon, which are inseparably connected with maqāma. The author conducts a comparative analysis of three works from the Maqāma genre and Shadow plays, written by al-Ḥarīrī (11th cent.), al-Mauṣilī (13th cent.), al-‘Abbās (16th cent.), which are based on the variation of the rare in the Arabic fine fiction motif — fraudulent marriage. Special feature of the article is a comparative analysis of the Late Medieval Maqāma and Shadow plays, which was not undertaken in national Arabic studies previously. Refs 11.

Keywords: Arabic literature, maqāmāt, al-Ḥarīrī, al-Mauṣilī, al-‘Abbās.

Сборники арабских макама, особенно те, что были составлены в период позднего средневековья, в большинстве своем мало изучены отечественной и зарубежной арабистикой¹. Введение в научный оборот неисследованных ранее текстов макама позволяет рассматривать эволюцию макаманного жанра как типологическое явление с более объективных позиций. В результате подобных изысканий было выяснено,

¹ См. обширный список авторов макама у Я. Хямен-Аттилы [1, с. 368–410], в котором все же отсутствуют упоминания некоторых позднесредневековых авторов.

что несколько произведений, по времени написания значительно отдаленных друг от друга, имеют в своей сюжетной основе схожий мотив. Как будет показано далее, существует разная трактовка этого мотива в произведениях жанра макамы, что, вероятно, отражает соответствующие изменения в арабской назидательной литературе и литературном каноне, с которыми макама неразрывно связана.

Хотя мотив обмана с использованием свадебной темы, равно как и любовная тема, кажутся не самыми типичными для сборников макам, у классиков жанра в различных вариациях они все же изредка встречаются: например, у ал-Харйрй в Ширазской макаме (№ 35) хитрец и пройдоха Абӯ Зайд выпрашивает у слушателей деньги на свадьбу дочери, хотя невеста в его стихах-прошении на самом деле означает запечатанный сосуд с вином, а свадебная церемония — возлияния в компании собутыльников [2, с. 162–164]; у ал-Хамазанй в Бишрийской макаме (№ 51) главного героя Бишра ал-‘Абдй из чувства мести обманывает собственная жена (она была схвачена им при разбойничьем набеге на караван), говоря ему, что дочь его дяди по отцу несравненно превосходит ее красотой, отчего Бишр ввязывается в опасную для жизни авантюру, желая заполучить красавицу [3, с. 202–208]. Что касается народной литературы, то, например, в сказке «О Далиле хитрице и Али-Зейбаке» из «Тысячи и одной ночи» встречается еще одна вариация обмана с использованием свадебной темы: Далила сводит ничего не подозревающего сына купца, желающего найти невесту, с уже замужней женщиной, надеющейся забеременеть, и ловко их обирает [4, с. 374–461].

В данной публикации рассматриваются три произведения, подходящие для сопоставления встречающихся в них мотивов. Это «Васитская» макама (№ 29) Абӯ Муҳаммада ал-Қасима ал-Харйрй (1054–1122) [2, с. 133–139], схожая с макамой пьеса «Тайф ал-Хайāl» Муҳаммада ибн Дāнийāла ал-Маусилй (1248–1311) (№ 2)² и «Египетская» макама (№ 6) ал-‘Аббāса [7, л. 27а–30а]. Таким образом, мы рассматриваем произведения XI, XIII и XVI вв.

Здесь следует пояснить, почему в этот ряд включен египетский драматург Ибн Дāнийāл, не упоминающийся в научной литературе как автор макам. И. В. Тимофеев, защитивший диссертацию по творчеству ибн Дāнийāла, считает, что «макама является основным жанровым источником пьес Ибн Дāнийāла, тем литературным фундаментом, на котором они возникли» [8, с. 13]. По мнению И. В. Тимофеева, «зависимость пьес Ибн Дāнийāла от макаменной прозы проявляется в том, что именно ею подсказаны основные сюжеты, мотивы и ситуации, встречающиеся в пьесах» [8, с. 23]. При этом наибольшее число общих черт пьесы Дāнийāла обнаруживают при сопоставлении именно с макамами ал-Харйрй. Я. Хямен-Аттила отмечает, что хотя «пьесы Ибн Дāнийāла и не принадлежат к жанру в полной мере, в средневековой литературе они назывались макамами» [9, с. 385]. Связующим звеном между тремя обозначенными выше авторами также служит высказывание самого ал-‘Аббāса. В предисловии к своему сборнику³ ал-‘Аббāс упоминает некоего автора макам, ал-Маусилй, который, по словам ал-‘Аббāса, на поприще макамы раньше него «промышлял» и «стрелял, да [в цель] не попал, и не достиг следования образцу» [7, л. 2а].

² Оригинальный текст см. у P. Kahle [5]. В данной публикации была использована работа И. В. Тимофеева, в которой дано краткое содержание пьесы [6].

³ Сборник макам ал-‘Аббāса (XVI в.) известен по рукописям В 66 (ИВР РАН) и N. F. 26 (Австрийская национальная библиотека) [9, с. 112–113; 10].

То есть ал-‘Аббасу были известны макамы некоего ал-Маусилї, которые, по его мнению, оказались неудачной попыткой следования макамному канону, безусловным образцом которого для ал-‘Аббаса являлся сборник ал-Харїрї [7, л. 1b–2a]. Вероятно, речь здесь идет именно о Ибн Дāнийāле ал-Маусилї, поскольку он является единственным известным средневековым литератором с подобной нисбой, произведения которого имели большое сходство с макамой. Как будет показано далее, наличие схожего мотива в макамах ал-Харїрї, Ибн Дāнийāла и ал-‘Аббаса в достаточной мере подтверждает это предположение.

Пьесы ал-Маусилї являются литературной обработкой представлений для арабского кукольно-теневого театра (хайāl аз-зилл), в которой простонародные балаганные речи изложены литературным языком и адаптированы для круга образованного общества адибов, к которому принадлежал ал-Маусилї. В них видна попытка объединить сюжеты из литературы о нищих (адаб ал-кудїа) с «адабной» манерой повествования, что до этого было успешно осуществлено в макамах ал-Хамазāнї и ал-Харїрї. Примечательно, что ал-‘Аббас, живший в XVI в., упоминает Ибн Дāнийāла (XIII в.) именно как автора макам, а не театральных пьес, что свидетельствует об их восприятии как адабных произведений⁴ в образованной среде того времени.

До наших дней дошли лишь три небольшие пьесы Ибн Дāнийāла, сюжет одной из них разворачивается вокруг обманной свадьбы. Эта пьеса названа по имени повествователя — «Тайф ал-хайāl», который неизменно сопровождает главного героя — знатного молодого распутника и пьяницу эмира Виṣāла.

Экспозиция начинается с монолога эмира Виṣāла, из которого становится известно о его пристрастии к вину и любовным приключениям. Основное действие разворачивается вокруг аферы с женитьбой, когда эмир Виṣāl решает обзавестись семьей, устав от распутной жизни. Для этого он оплачивает услуги сводни Умм Рашїд. Будучи очарованным рассказом о прелестях будущей супруги, эмир Виṣāl поспешно устраивает свадьбу, однако сняв с невесты покрывало, он обнаруживает девицу с безобразной внешностью. В итоге свадьба оканчивается тумакami и оплеухами, которые злосчастный жених отвешивает невесте и гостям⁵. Вдобавок выясняется, что сводня-мошенница вскоре скончалась, так и не вернув деньги за оказанную «услугу». Из-за этих событий Виṣāl испытывает душевное потрясение, которое в конечном счете приводит его к раскаянию и он, попросившись со своим спутником Тайф ал-Хайалем, отправляется в паломничество в Мекку, чтобы искупить прежние грехи [8, с. 8]. Таким образом сюжет пьесы «Тайф ал-хайāl» представляет собой сатиру на сватовство и женитьбу и построен на комедийном приеме брачного мошенничества, когда герой в финале получает совсем не то, о чем был уговор.

В сборнике ал-‘Аббаса имеется небольшое количество макам, в которых используются нетрадиционные сюжеты, в классических сборниках до этого не встречавшиеся. К ним относится «Египетская макама» (№ 6), в вульгарном сюжете которой⁶

⁴ Определение адабной литературы и о ее связи с жанром макамы см. статью П. С. Тептюка [11].

⁵ Здесь видна разница в эстетике классических макам и пьес для арабского теневого театра, в сюжетах которых изобилуют непристойные детали, снижающие образы и ситуации.

⁶ В работе Я. Хямен-Аттилы вульгарными называются макамы, в которых используется диалект арабского языка, а не его литературная форма [1, р. 335–339], но в этой классификации тип сюжета не имеет значения.

мы наблюдаем вариацию мотива обманной свадьбы, задействованного в пьесе Ибн Дāнийāла и в «Васитской» макаме ал-Ḥарйрй.

Рассказчик Абӯ-л-Ḥайр, повстречав главного героя Абӯ-л-Фадла во время путешествия, узнает очередную историю о его приключениях: прибыв в Каир без средств к существованию, Абӯ-л-Фадл бродит по нему наугад в поисках пропитания. Там его встречает сводня, которая предлагает ему остепениться и жениться на ее дочери. Абӯ-л-Фадл не верит в столь выгодное для него предложение и просит показать девушку, чтобы убедиться, что его не обманывают. Увидев красавицу воочию, он с радостью соглашается на брак, однако в брачных покоях, после обряда бракосочетания и церемонии снятия покрывала с невесты, взору Абӯ-л-Фадла предстает не та, которую ему показали, а пожилая дева, полная изъянов. Поняв, что его обманули, Абӯ-л-Фадл при помощи вульгарной уловки (притворное половое бессилие), избегает пут неуютного ему брака и уплаты денежной компенсации за развод. Хитрость и изворотливость Абӯ-л-Фадла вызывают восторг и восхищение у рассказчика Абӯ-л-Ḥайра.

В «Васитской» макаме ал-Ḥарйрй также присутствует мотив обманной свадьбы, только в качестве сводни-мошенницы выступает сам главный герой, т. е. Абӯ Зайд. Узнав о денежных затруднениях своего друга ал-Ḥариса ибн Хаммама (повествователь), Абӯ Зайд предлагает ему жениться на состоятельной невесте и тем самым решить все свои проблемы, на что тот с радостью соглашается. Во время свадебного празднования Абӯ Зайд угощает гостей сладостями, смешанными с наркотиком, и, дождавшись, пока все потеряют сознание от наркотического опьянения, бессовестно оборовывает их и благополучно скрывается с места преступления.

Примечательно, что и у ал-Ḥарйрй, и у ал-‘Аббāса, в отличие от пьесы Ибн Дāнийāла, женитьба выступает в качестве легкого и быстрого решения материальных затруднений центральных персонажей, а свадьба совершенно не связана с любовной темой. Однако во всех трех рассматриваемых произведениях «женихи» становятся жертвами обмана и ничего не приобретают.

Эмир Виṣāl в пьесе Ибн Дāнийāла играет роль молодого богача, который мог себе позволить столь недешевое на мусульманском Востоке предприятие, как женитьба, однако неясным остается, откуда у героев ал-Ḥарйрй и ал-‘Аббāса, по сюжету являвшихся бедняками, оказались средства для уплаты выкупа (махра) за невесту. Так, у ал-‘Аббāса, например, Абӯ-л-Фадл выплачивает тысячу динаров [7, л. 28a], в то время как перед свадьбой он прибывает в Египет без единого гроша [7, л. 28b].

Очевидно, что авторы рассматриваемых произведений ставят перед собой различные художественные задачи: ал-Ḥарйрй искусно описывает дерзость и изворотливость, характерные для средневековых плутов (его главный герой-«сват» получает выгоду от своих проделок); Ибн Дāнийāл порицает общественные пороки, придавая им комедийный характер (его главному герою воздается за порочный образ жизни), ал-‘Аббāс демонстрирует хитрость и красноречие своего героя (явно положительно-го), умение найти выход в сложной для него ситуации.

Можно предположить с большой долей вероятности, что ал-‘Аббāс заимствовал мотив обманной свадьбы из пьесы Ибн Дāнийāла, облачив его в высокохудожественную форму, присущую макаме ал-Ḥарйрй (у ал-‘Аббāса и Ибн Дāнийāла сюжет разворачивается в Каире). В макамах ал-‘Аббāса плутовство никогда не переходит в откровенное мошенничество, характерное для макама ал-Ḥарйрй, поэтому, веро-

ятно, он отдает предпочтение более привлекательной с нравственной точки зрения версии, представленной в пьесе Ибн Дәнийәла.

Выбор ал-'Аббәса, как нам кажется, является примером «отторжения» одной из основных идей классической макамы — постклассические авторы макама не желали изображать аморального в плане поведения героя в качестве центрального персонажа, выходящего триумфатором из любой сомнительной с моральной точки зрения ситуации.

Литература

1. *Nämeen-Anttila J. Maqama: a History of a Genre.* Wiesbaden: Harrassowitz, 2002. 502 p.
2. *ал-Харири Абу Мухаммед аль-Касим.* Макамы / пер. с араб. В. М. Борисова, А. А. Долининой, В. Н. Кирпиченко. М.: Наука, 1987. 267 с.
3. *ал-Хамазани Бади' аз-Заман.* Макамы / пер. с араб. А. А. Долининой, З. М. Ауэзовой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 228 с.
4. Тысяча и одна ночь: Собрание сказок: в 8 т. / пер. и ком. М. А. Салье, ред. акад. И. Ю. Крачковского. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2007.
5. *Kahle P. Three Shadow. Plays by Muhammad Ibn Ddnyal.* E. J. W. Gibb Memorial, New Series 32. Cambridge: E. J. W. Gibb Memorial, 1992. 184 p.
6. *Тимофеев И. В.* Творчество египетского литератора XIII в. Мухаммада Ибн Даниала: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ ИСАА, 1975. 24 с.
7. Макамы ал-'Аббаса // Фонд ИВР РАН. Рукопись В 66. 97 лл.
8. *Тимофеев И. В.* Творчество египетского литератора XIII в. Мухаммада Ибн Даниала: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ ИСАА, 1975. 24 с.
9. *Халидов А. Б.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. I–II. М.: ИВЛ, 1960. Вып. I. Художественная проза. 135 с.
10. *Тептюк П. С.* Макамы ал-'Аббәса как памятник позднесредневековой арабской художественной прозы: дис. ... канд. филол. наук. СПб.: ИВР РАН, 2014. 230 с.
11. *Тептюк П. С.* Вариативность макамого канона в позднем средневековье («Законоведная макама ал-'Аббәса», XVI в.) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 4. С. 69–75.

Статья поступила в редакцию 30 июля 2014 г.

Контактная информация

Тептюк Павел Сергеевич — младший научный сотрудник; sunhealth@yandex.ru

Teptyuk Pavel S. — junior researcher; sunhealth@yandex.ru